

ОДУВАНЧИК

МАЛЕНЬКАЯ ПОВЕСТЬ

18+

Андрей Замятин

Андрей Валерьевич Замятин

Одуванчик

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73059933

SelfPub; 2025

Аннотация

Елена Фадеева 26 лет. Работает фельдшером «скорой помощи». Дома в Курске живут её родители и сын, рождённый вне брака. Случайно знакомится с Сергеем, бывшим силовиком, консультирующего крупный бизнес. У них завязываются отношения. По делам Сергея они на неделю попадают в Париж, где он пытается помочь своему бывшему сослуживцу, а ныне крупному бизнесмену, которому грозит опасность.

После Парижа Сергей исчезает, а Елена вынуждена оставить работу на «скорой». После исчезновения Сергея, оказавшись на улице после увольнения, сочла себя преданной и от безысходности идёт работать труженицей тела. Проработав там два месяца, Елена становится жертвой избиения пьяным майором полиции. Рушатся планы отвезти сына на море. Ей на помощь приходит её подруга Айгуль, пришедшая в профессию ночной бабочки с 4-го курса журфака из профессионального любопытств и её друг детства.

Айгуль забирает мальчика и не без приключений добирается до Анапы, куда прилетит Елена, которую там ждёт старый знакомый.

Андрей Замятин

Одуванчик

ОДУВАНЧИК

маленькая повесть

(ограничение по возрасту 18+)

Автор: Андрей Замятин

«Настоящий текст является объектом авторского права. Запрещается копирование, распространение или любое иное использование информации и объектов без предварительного согласия правообладателя» © Андрей Замятин, 2021, congo@list.ru +79654201083

Следователь Сердюк получил очередное звание майора, как говорится – день в день, что в органах случалось крайне редко. То какой-нибудь «залёт» по службе и присвоение звания автоматически откладывалось на год, а то и кадровик «заиграет» представление о его присвоении. Не случайно конечно заиграет. Забыл вдруг, засидевшийся в капитанах офицер, занести ему за пару месяцев до истечения срока «бутылку конфет» и положили твоё личное дело под тяжёлое зелёное сукно. Бывали случаи и «пятнадцатилетних капитанов», как их шутя называли коллеги. Кадровики были вдали от хлебных мест. От них не зависело закрытие уго-

ловных дел, перекавалификация преступления на менее тяжкую статью, а также количество нелегалов и точек с девушками нетяжелого поведения на их территории. Оттого и очень щепетильно относились они к возможности поправить бюджет. Это мог быть алкоголь, фейковые часы, телефоны или иной контрафакт изъятый во время спецопераций на местных «черкизонах», к которым отдел кадров отношения по службе не имел. Коллеги сторонились Сердюка, и кадровики не были исключением. Хамом он был редкостным. Подчинённые пытались оправдать его ор чертой характера – «зато отходчивый», однако, коллегам от этого оправдания легче не становилось. Все прекрасно знали, что был Сердюк заурядным быдлом.

Собрал майор коллег в «подшефном» ресторане, который крышевал их отдел. Гостей пришло немного, опять же по причине дурного характера виновника торжества. Кто-то сослался на дежурство, кто на иные дела, любым способом съезжая с этого не очень приятного мероприятия. По традиции первый тост произнёс начальник следственного отдела. Под него Сердюк достал зубами со дна стакана с водкой майорскую звезду. На водку менты никогда не тратились. Несли из служебных кабинетов подношения от горемык, попавших в переплёты Фемиды, или просто посылали за пойлом ППС-ников на оптовый рынок на их территории. Забирать водку на халяву ментам было несолидно, да и боязно – везде полно стукачей, посему получая ящик левой водки мен-

ты оставляли торгашам символическую тысячу рублей. Всё ж, не даром! Тем более о происхождении водки знали полицейские их управы всё. Кто и где разливал её родимую, кто поставлял тару, этикетки и пробки, а кто отвечал за левые акцизные марки.

Застолье после закрытия ресторана плавно перетекло в кафешку, где полицейские приняли «на посошок». Сердюк попрощался с коллегами, прикурил сигарету и понял, чего не хватает ему в этот торжественный день. А не хватало новоиспечённому майору женского тела. Располневшая после вторых родов жена давно не радовала его глаз, а с Анькой из дознания он поругался накануне из-за какой-то херни. Мириться-извиняться совсем не хотелось. Не майорское это дело, подумал про себя Сердюк. Он теперь старший офицер, а не хрен с горы. Сама прибежит как миленькая. Потому и набрал он номер своего бывшего подчинённого. Бывший коллега майора оказался способным учеником своего патрона, и пару лет назад при расследовании убийства мигранта слегка переусердствовал с подозреваемым, сломав тому на допросе челюсть. Чтобы спасти коллегу от увольнения, а то и от уголовного дела, дело через прокурорских замяли, а следака по-быстрому перевели в участковые инспекторы. Ему и позвонил Сердюк узнать о наличии свежих тел в ближайших борделях. Участковый знал правила игры и набрал подконтрольную точку по «служебному» номеру, потребовав, чтобы к приезду коллеги на хате не было посторонних, т.к. стар-

ший товарищ находился при погонах.

Адрес притона был Сердюку знакомый. Пару лет назад он сам там участвовал в мальчишнике опера из их отдела. В кабак же не сунешься в такой компании. Это раньше можно было смело гулять до утра и не бояться никаких ютубов. Сейчас же обязательно найдется какая-нибудь мразь, которая ради хайпа сольёт ролик в интернет. А в Главном управлении собственной безопасности УВД парни хлеб зря не едят. Сразу служебное расследование и трудовая книжка по почте. А у майора три года до пенсии по выслуге лет. Хата была проверенной, практически служебной, куда могли завалиться люди в погонах в любое время дня и ночи.

Выбор на точке был небогатый – пятница всё ж, и полколлектива забрали на выезд до утра в сауну. Остались только худая блондинка Снежана, рыжая хохотушка Ирка из Полтавы и стройная казашка Айгуль, которую хозяйка точки впаривала ценителям Востока за настоящую корейнку, чьи родители бежали от кровавого режима на воздушном шаре. Майор обошёл троицу с тыла, сопя помял им задницы, пробуя товар на ощупь. Ткнул сарделечным пальцем в спину Снежаны,

– Ты!

Менты проституткам никогда не платили. Это было негласное правило, сродни перемирию на водопое во время засухи в саванне, где из одной реки одновременно пили и хищники и их жертвы. Этой рекой здесь был порок. Хищни-

ки находили в нём утешение, реализовывая с девочками то, о чем стеснялись просить жён, а жертвы за счёт него выжидали в Москве.

Что произошло в комнате, никто не знает. Сердюк появился в дверях через четверть часа с бледным перекошенным лицом. На полу поскуливала сквозь зубы Снежана. Майор прошел в ванную вымыл руки и пригладил влажной ладонью редкий чубчик. Охранник борделя Славка, вышедший на шум из кухни, жуя бутерброд, кивнул ему – типа что там? – Дверь закрой, олень! Тебя не спросили! – рявкнул Сердюк, не забыв перед уходом профессионально протереть носовым платком дверные ручки.

* * *

Ленка Фадеева, она же Снежана работала на точке всего два месяца. Дома в Курске остался её семилетний сын Гошка и нестарые ещё родители. Мать с отцом со слов Ленки знали, что дочь работает в Москве на «скорой помощи». Никто в городе, включая подруг детства, и не подозревал о последних двух месяцах настоящей ленкиной жизни. Гошку, которого Ленка родила в девятнадцать лет от бывшего одноклассника и своего первого мужчины, она безумно любила, баловала чем могла и навещала при первом удобном случае, благо ехать из Москвы на автобусе было всего-то ночь. Гошкин «донор спермы», как Ленка звала его биологического отца, больше в их жизни не появлялся. На «скорой» она действительно успела поработать два года. Но график работы, жизнь

в общаге и аборт от женатого врача охладили Ленкин пыл к здравоохранению. И ещё Ленку предали. Предали так, что, хоть встань в чистом поле и вой на Луну! Со «скорой» её как нашкодившего кота выбросили на улицу. Она никого не винила кроме себя. Но всему свое время. Попалось на глаза объявление в газете «Требуются девушки. Жильё предоставим». Иллюзий Ленка не питала и понимала, что не сахар с пряников придется сдувать. Из общаги её сразу после увольнения попросили, домой в родительскую двушку возвращаться не хотелось, а «скорая» её порядком достала. Думала, подзаработаю денег на съемное жильё, переучусь на косметолога и уйду с точки.

Гошке в этом году в школу и Ленка кровь из носу пообещала отвезти сына на море. Он и в Москве-то ни разу не был. Куда его везти, не на точку же. Даже когда родители месяц назад поехали хоронить родственницу в Псков, и Ленке было некуда отступить, она сняла на выходные однушку у площади трёх вокзалов, типа там и живет.

Подвёл её язык с этим упырём-майором. И ведь много раз, когда подводил в жизни. И в медучилище, и на «скорой», да и тут на точке. Ну не встал у майора. Как говорится, отнеситесь к сексу с юмором – похикикали и баиньки. Ан, нет, надо было ей хихикнуть. Ну, прям целка, а не Снежана! И не видела она в этой зассаной трёшке на Юго-Западе ни одного вялого члена. Майора этого ещё со старлеев знали и побаивались многие девочки района, а их сарафанное радио было

быстрее всех интернетов. Менты из их районной управы были у них частыми гостями. Как рубанут бабла мимо семейного бюджета, наберут пошла и на точку. Сколько же информации, не предназначенной для посторонних ушей, срывалось с пьяных языков полицейских! Но девочки на этих субботниках профессионально отключали слух, ибо уйди с этой пьянки хоть слово на сторону, ехать им тёмной ночью в лес в багажнике. И скорее всего это была бы поездка в один конец.

Нормальные среди ментов тоже встречались. Они даже могли оставить деньги. О них (нормальных) девочки слагали целые легенды. Ходили даже слухи, что *«на соседней точке один оперативник, так влюбился в девочку, что женился на ней и увёз к себе в Мухосранск и сейчас у неё там своя фирма»*. На эти сказки велись малолетние провинциальные дуры, которых хозяйка привозила на точку с московских вокзалов. Все они как на подбор были одеты из одного бутика «У Ашота» с похожими китайскими чемоданами и одинаковыми словно из ксерокса историями: приехала – не поступила – домой возвращаться стыдно – деньги кончились/украли и т.д.

Бить майор умел. Профессионал хренов. Дважды лучший следак района. Сначала сбил ударом кулака в нос и уже лежащую ногой. Менты вели себя на точке как в кабинете, а посему решали проблемы оперативно и привычными методами. Среди них было полно извращенцев и потенциально опасных для общества типов. После их визитов девочки на

пару дней брали выходные – лечили раны, замазывали синяки и лечили душу горькой. Ленка, хорошо знакомая со строением органов, поняла по симптомам, что майор в лучшем случае ей отбил, а в худшем – порвал селезёнку. И надо теперь Ленке к хирургу да побыстрей. Слава богу, что её точка находилась на противоположном с прежней работой конце города, что сводило к минимуму встречу с бывшими коллегами. Носу досталось тоже не слабо, но кость вроде была цела, поняла она наощупь. Хотя крови на полу было, как бара на резали.

– Ты и есть овца! – подумала Ленка про себя. Мало тебе, юмористка хренова! Как же теперь работа? Куда теперь с таким носом и отбитым боком! «Гошка» – противно сверлило в висках. До запланированной поездки с сыном осталось чуть больше двух недель. На заляпанном кровью полу вибрировал на беззвучном режиме мобильник.

*

*

*

«Гош, а ты почему не откликаешься? Гоша, тебя же мама зовёт! Гоша, Георгий! Одуванчик! Вот же засранец. Может, не слышит опять? Хотя, что тут не слышать, от силы метров десять».

Гошка стоял в высокой траве спиной к Ленке.

«Почему ж так долго я иду к нему, и ноги вязнут как в тине? Гош, ну повернись к маме! Этот же костюмчик я ему дарила на два годика, как он в него влез? Гоша, повернись к маме! Я тебя не буду ругать. Никогда, Гошка! Почему ж

голова так болит...»

Ленке повезло с хирургом. Огромный лысый дядька был прямо как из кино. Волосатые ручки. Бычья шея. Настоящий браток из 90—х. Не стал он резать Ленкино пузо, обошелся лапароскопией. Диагноз она себе тоже правильно поставила.

Первое, что увидела Ленка, выйдя из наркоза, была Айгуль с мокрыми глазами и красным от слёз носом. Приехала она четыре года назад в Москву из далёкой Астрахани, поступила на журфак, а на четвёртом курсе бакалавриата решила срубить денег по заказу молодёжной газеты и написать цикл статей о тяжкой доле московских тружениц тела. Получив в редакции аванс, пришла Айгуль взять интервью на точку, адрес которой взяла у себя же в редакции, публиковавшей по пятницам объявления в разделе с кокетливым названием «Отдых». Заплатила девочке за час работы, а проболтали часа три, благо был понедельник и из клиентов только командированные, да и то – три калеки в день. Потом девочки общались уже «за шампусик» пока хозяйка не увидела. Все девочки наперебой рассказывали свои истории, привирая, как правило, наполовину, а то и приписывая себе кусочки чужих биографий, подсмотренных на точке или услышанных от подруг по цеху, сшивая на лету яркое лоскутное одеяло из своих и чужих жизней. Первое время Айгуль густо краснела от пикантностей их быта. Затем, поборов смущение, стала уже подробнее расспрашивать о деталях. В оче-

редной раз брать интервью Айгуль пришла уже с вещами. Погрузилась в тему, одним словом. Девчонки приняли её как старую знакомую и меж себя нарекли Гулей, Гулькой или Гулёной. Документы из вуза Гулька так и не забрала, теща себя мыслью, что вот поживет здесь чуть-чуть, наберёт материала на книгу и потом вернётся к учебе. Тоже мне Дарья Донцова! Сначала статья, которая, кстати, побила месячный рейтинг редакции, а потом книга. Айгуль благодаря своим данным, – восточной красоте, идеальной фигуре и хорошо подвешенному языку уже через нескольких недель стала звездой салона. Её фото в кимоно и заретушированным лицом набирало на их сайте кучу лайков. Через пару месяцев у Гульки уже была новая идефикс – перевестись на заочное. Девочки никогда не напоминали подругам о несдержанных обещаниях. Это было табу. У всех в шкафу пылились свои скелеты.

Шмыгая постоянно носом, Гулька в лицах рассказала Ленке, как ту забрала «скорая» с точки. Как хозяйка точки отдала врачу скорой сто долларов за то, чтобы он не сообщал в полицию о травме и ещё пятьсот Гульке на больницу. Ни у кого из девочек не было московской регистрации, а стало быть, и медицинского полиса. Ленка знала цену этой благодетельности. Весь простой придётся отработать, как только выйдешь из больницы, а также штраф от хозяйки. И никого не трахало, что покалечил тебя мент на субботнике. Следи за метлой! Все происшедшее было пересказано в лицах и с неизменным матерком, которым Айгуль Кунакбаева

владела в совершенстве. Рассказчик был из Гульки на пять с плюсом, журфак – это вам не курсы макраме. Ленка сразу представила одутловатую рожу хорошо пьющей хозяйки точки Эльвиры, как та своими маленькими пальчиками отсчитывала американские деньги, тяжело вздыхая при этом и сетуя на жизнь, на «этого мудака Вовика» – мужа, преподававшего в музыкальной школе и на идиоток-дочерей, которые вечно подкидывали ей проблем.

– Гулька – взмолилась Лена, ну тебя в баню, у меня сейчас шов разойдется от хохота!

– Опачки, а что у нас тут за цветник – раздалось в дверях. На пороге стоял сияющий хирург. Белый халат накрахмалено хрустел, а густые кусты волос на груди не могли удержать золотой ошейник – подарок братка, которого хирург пять лет назад буквально за уши вытащил из его бандитского рая.

–Здравствуйте, курочки! Как самочувствие, Елена Юрьевна?

Гулька при виде доктора моментально распрямила спинку и включила роковую женщину.

– Упс, старый знакомый! – промурлыкала она. – Он мой!

– Вот же мерзавка, – улыбаясь про себя, подумала Ленка. Сейчас будет Айгуль-шоу. Раскупайте первый ряд, господа!

– Доктор, у меня что-то в боку закололо, не посмотрите? А то у нас в Академгородке такой врач неопытный.

– Гулька, прекрати, – сдерживая смех и держась за живот, только и смогла выдать Ленка.

Гулька понесло... Она поднялась со стула во весь свой гренадёрский рост, забыв, как бы между прочим, одёрнуть юбку, взяла доктора под локоток и щебеча ему что-то на ухо повела из палаты. По тому, как мгновенно багровел затылок доктора можно было догадаться, что вещала ему журналист-недоучка что-то ну, о-о-очень важное. Гулька-умничка. Зачем при всей палате Ленка должна врать про свою травму? Тем более привезли её в приёмное отделение ночью практически в коматозе, и что там наморосила Гулька доктору про ленкину селезёнку знает только она!

Болела голова, начинал ныть левый бок. Отходил наркоз. Мысль о Гошке и море не давала ей покоя. Куда пропала Гулька? Вот же артистка. Спать. Надо выспаться.

* * *

– Го-о-оша! Гошка! А ну, сходи-ка с дедом в гараж!

– Ну, ба-а-а-а....

– Иди и смотри, чтобы дед там не пил со своими колдырями! Слышишь меня?

Это постоянное “слышишь меня?” последние четыре года чаще всего звучало в доме Фадеевых. Столько и страдал Гошка двусторонней нейросенсорной тугоухостью. Болячку эту со своего щедрого плеча подарили ему врачи горбольницы, куда тот попадал с тяжелейшим отравлением. На этот раз – глубокое мерси уже детсадовским поварам. Лечить особо было нечем, и кололи Георгия Фадеева трёх лет от роду сильнейшими антибиотиками, убившими почти полностью слух

пацана. Оттого и говорить он начал членораздельно только к шести годам. А говорил он то, что слышал, а слышал он только тридцать процентов от того, что доставалось здоровым детям его возраста. Дед с бабкой при финансовой поддержке Ленки водили его по специалистам и совместными усилиями купили Гошке слуховой аппарат. Аппаратом мальчик тяготился – постоянно болела голова от новых звуков, да и удобно ему было без него. В этой тишине был только его маленький тихий мир – с шуршанием вместо звука шагов, шепотом вместо криков детей с улицы и тихим мышинным писком вместо рева огромных красных машин из пожарного депо напротив их пятиэтажки.

– Насть, ну что ты меня перед внуком позоришь-то? Какие ещё колдыри? Василич давно просил помочь с зажиганием! Неудобно уже перед соседом. Меня, военного летчика так перед внуком родным роняешь! Ну, я не знаю, Анастасия Игоревна! – сетовал Гошкин дед для виду.

К слову сказать, летчиком Гошкин дед, тем более военным, был так себе. Точнее, вообще никаким. Окончив десятилетку, поехал твердый троечник и отличный спортсмен Юрка Фадеев поступать в высшее военное командное авиационное училище. Сдал документы, получил форму и, не дождавшись трёх дней до принятия присяги, сбежал на ночь в самоволку. И застрял, да так, что не успел к утренней проверке. Итог – приказ об отчислении и срочная служба в спортроте СКА округа. Но мечта о небе стала семейным

фольклором.

– Знаю я твоих василичей! Бери Гошку, а на обратном пути зайди к бабе Лизе за сметаной. Деньги на холодильнике. Расскажу-ка я внуку, как подрастёт, каким был его дедасом! Иди уже!

Знала Ленкина мать всё про военного летчика Юрия Фадеева. Ну, прям всё, начиная с первого его неудачного боевого вылета в самоволку в настину общагу, где та отбывала практику после первого курса пединститута. Как вместе плакали на вокзальной скамейке, роняя слёзы на юркин чемодан с железными углами. И как она ждала его два года из армии, но уже не из авиации, а из СКА, откуда тот демобилизовался старшим сержантом, мастером спорта СССР по легкой атлетике и призером всех армейских соревнований. Некуда было ехать выпускнику Школы олимпийского резерва Юрке. В родном Ставрополе только слепая бабка, над которой во время юркиной службы взяли опекунство её племянники, да две родительских могилки на городском кладбище, куда их «пристроил» юркин дед уснувший пьяным в кровати с папиросой. Юрку спас случай – был восьмиклассник и перворазрядник Юрий Фадеев в соседней области на соревнованиях.

Дед Гошку обожал уже с той поры, когда впервые услышал от жены о ленкиной беременности. Новость застала будущего деда врасплох и в день аванса. Он и не знал, как реагировать на то, что услышал от жены, но понял, что это очень плохо для их дочери. Для его Леночки, которую он любил

больше жизни, это было не-нор-маль-но! Как какой-то урод смог залезть его ангелочку под юбку и вот это вот всё потом! Вот ЭТО всё с его Алёной! Он хватался во хмелю за охотничье ружьё без патронов и рвался пристрелить “этого пидораса”. Мать с Ленкой ревели в голос про тюрьму и расстрел, хватали батю за руки и клялись, что сами вырастят дитя. Успокоился Юрий Павлович под утро и ста пятидесяти граммов водки, которые мать выдала ему из заначки. Сказал тогда он дочке:

– Будем рожать, Елена! Теперь нас Фадеевых на одного стало больше, а это дорогого стоит! Родишь пацана, будет лётчик в деда, а девочку... ну, как говорится, тоже хорошо. Гошкина тугоухость поставила крест на лётной династии Фадеевых, и теперь дед видел внука только в спорте. Благо, Ленка в метрике указала Гошке батино отчество. Теперь они оба с сыном были Юрьевичи.

* * *

– Мать, ну и здорова ж ты поспать! Даже медсестра тебя не добудилась. Упросила её сделать обезболивающее в твою сонную жопу. Как ты?

– Спасибо, Гулён, вроде лучше.

Ленка оглянулась. Палата была пустой, видно соседки ушли на обед.

– Долго я дрыхла?

– Часа три-четыре где-то. А Вартаныч твой огонь-мужик!

– Кто это, какой огонь, Гуль?

– Конь в пальто, балда! Хирург, что тебя штопал! И диван у него итальянский, между прочим. Две штуки евро стоит! Подарок благодарных пациентов!

– Только не говори мне, что успели?

– И не раз, доложу я вам, – засмеялась Гулька.

– Кунакбаева, ты неисправима! И где?!!! В муниципальном учреждении здравоохранения!

– А я и забыла, подруга, когда в последнее время, занималась этим по своему желанию. Когда мне было хорошо от общения, от близости с мужиком, которого Я выбрала. Сама, Ленка, выбрала! Когда я не смотрела бы украдкой через чужое плечо на настенные часы. Я ж специально повесила у себя в комнате электронные, с яркими циферками, чтобы легче было отсчитывать время. Как во время хоккея, помнишь, в нижнем углу экрана идёт обратный отсчёт минут до конца периода. Так и мы с тобой просто команда молодости нашей! Красная машина, блять! Великолепная пятёрка и вратарь.

– Всё! Не будем о грустном? Короче, Ленок, завтра Иван Варганович отдыхает после дежурств, а на следующее утро выписывает тебя на все четыре стороны. Записали тебя в приёмном покое как Ольгу Арнольдовну Штерх. Не ржи только, так нашу класуху звали. Шов снять, надеюсь, сама сможешь через неделю? Мы с Лёхой тебя встретим. Жрать тебе пока ничего особо нельзя. В тумбочке соки и шоколадки медсёстрам. Целую тебя жадно! Прощайте, болезные! – отдала честь уже в дверях Гулька возвращающимся в палату

тёткам.

* * *

Лёха был Гулькиным другом детства. Выросли они с ним в одном подъезде астраханской хрущёвки. Один детсад на двоих, школа, а потом и спортзал. Работал он в автомастерской на МКАДе. Остался Лёха в столице сразу после срочной службы. Служил в автобате и возил какого-то коррупционера в погонах, который в благодарность за службу и предложил ему эту работу у своего родственника. Снимал Лёха комнату, встречался с девочкой и естественно ничего не знал о Гулькиной жизни после журфака.

– Алихан! Саламчик, братишка!

– Айгулька, не верю своим глазам! Где метлу припарковала?

– Гад ты, Лёшка! Иди поцелую!

Лёшка завел грязные руки за спину и подставил Гульке щёку в рыжей щетине.

– Опять, небось, журналистское расследование про разбор угнанных тачек? Ни за что не поверю, что просто так вспомнила друга детства!

– Лёх, ты как всегда не прав, я просто соскучилась, – соврала Гулька.

На самом деле стыдно стало Гульке, что мало стали они общаться с другом. А Лёха был её друг с большой буквы Дэ! Даже когда Лёшка служил срочную в Москве, им удавалось чаще видеться. Все Лёшкины увольнения проводили вме-

сте. Гуляли по паркам, кафешкам, или катались на его военном уазике. Оба были в равной степени стеснены средствами, имея лишь за душой огромное богатство в виде дружбы. А сейчас – смс-ки и нарисованные чужими руками открытки в вотсапе к праздникам.

Расспрашивая Лёху о делах, родителях и одноклассниках, Гулька понимала, что рано или поздно надо было открываться.

– Лёх, человеку хорошему помочь надо. Сможешь?

– Смогу, конечно. Что делать-то надо?

Вот в этом – «смогу, а что надо» – была цена их дружбы родом из детства. И Гулька, случись что, ответила Лёхе так же.

– Подъедешь завтра с утра к больнице подругу мою встретить? Тяжело ей сейчас. Адрес позже скину.

– И всего-то? Дресс-код?

– Я тебя умоляю, не из роддома же.

– Не вопрос, сестрёнка. Ты на такси?

– Ага, уже отпустила.

– Пять сек, попрошу кого-нибудь из клиентов, чтобы подбросили тебя до метро.

–Рахмет, братан!

* * *

– Алло, мам, привет! Как Гошка?

– Привет, доча! Нормально всё с Гошкой, с дедом в гараж

потопали. Ты как? Сон плохой я видела, Леночка. У тебя всё хорошо?

– Не выдумывай, мам, все у меня отлично! Я что звоню, мы ж с Гошкой на море хотели, помнишь? А тут на курсы послали по линии МЧС в этот, как его, Смоленск, – придумывала на ходу Ленка. Давай придумаем, как Гошку через две недели в Москву передать, чтобы я не тратила лишнее время на поездки?

– Бог с тобой, Леночка! Тебе что сын, бандероль? – передать... Мы сами с дедом и подъедем.

– Нет! – вырвалось у Ленки. Не надо вам!

Этого только не хватало! Приедут мама-папа-сын, а любимая дочь с разбитым портретом и как ёжик – «с дырочкой в правом боку».

– Не в это раз, мам!

– Лена, у тебя точно всё в порядке?

– Мам, ну, я же сказала. Просто задёрганная вся. Работы много, дежурства постоянно ночные, тут ещё эти курсы, совсем не вовремя. Не обижайся, мамуль. Подумай лучше, как Одуванчика в Москву доставить?

* * *

В ночь перед выпиской Ленка так и не уснула. Не способствовали сну мысли о Гошке, поездке на море, разбитом лице, да и соседка, храпевшая как раненый Джигурда. Вещи были с вечера собраны в рюкзак, которая она положила на колени и обняла как ребёнка. Думала о своём, слегка пока-

чиваясь в такт храпу. Так меньше ныл бок. Кожаный рюкзак нагрелся от ленкиного тела и стал теплый как живой. Вспомнился Париж, где этот рюкзак ей купил Серёжа.

Страшно подумать, пролетело уже год, как он подошёл к ней в магазине и совершенно серьёзно попросил писклявым детским голоском:

– Тётяшка, купите мне, пожалуйста, бутылку вина, а то я дома паспорт забыл, а кассирша вредная попалась!

Ленка оторопела от такой наглости, но мгновенно поддавалась обаянию незнакомца и двинулась за ним как на поводке. Уже через 10 минут они шли по улице, и она не заметила, как её ладошка оказалась в большой и тёплой как батарея мужской руке. Мужчина без умолку о чем-то рассказывал, сыпал остротами, к слову, довольно удачными, а Ленка улыбалась. Ленка отвыкла от мужского внимания. Её служебный вздыхатель со «скорой» Владик приходил к ней в общежитие после их дежурства, когда её соседка по комнате была на «сутках» или уезжала к родителям на выходные. Ни о каких походах по городу речи не шло – «Ты же знаешь, какая Москва большая деревня, не дай бог нас увидят, а жена опять беременна, ей нельзя волноваться и ты как медик и должна всё понимать и т.д».

– Да ради бога, дорогуша, как скажешь, не больно-то и хотелось.

За те 20 минут прогулки Ленка успела рассмотреть мужчину. Сергей, представился он – Можно на «ты». Лет ему

было слегка за 40, спина прямая, походка уверенная, крупный наголо бритый череп. Из бывших, решила Ленка. Или вояка или спортсмен. На бандюка не тянет. Одет был Сергей с каким-то изысканным шиком и явно не из московских магазинов. Незаметно подошли к метро.

– Давайте прощаться, Сергей?

– Я не могу вас так отпустить, предлагаю поужинать?

Уж слишком всё красиво, прямо как в кино, – подумала Ленка.

– Извините, мне на дежурство через час – соврала она.

– Тогда обещайте мне, что на этой неделе мы обязательно увидимся?

Сергей протянул ей визитку,

– Жду звонка, Алёна!

Вот же гад, Алёной меня только отец зовёт!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.